

Дверь, которую с силой распахнули, с грохотом ударилась о стену, и в помещение кто-то ворвался.

— А-Линь!

Это был Цинь Цзюнь.

Как только в дверях показался Цинь Цзюнь, Шан Лое, который до этого спокойно сидел в кабинке, мгновенно поднялся на ноги. Он был очень высокого роста, с прямой, как струна, спиной. Шан Лое свысока, ледяным взглядом, полным презрения, окинул вошедшего; его глаза напоминали острые клинки, скованные морозом.

Лицо Цинь Цзюня было бледным от тревоги, и лишь увидев Линь Куншаня, он наконец смог выдохнуть. Тяжело дыша, он спросил:

— Ты в порядке?

Линь Куншань шагнул вперед и мягко придержал парня рядом с собой за локоть. Он посмотрел на Цинь Цзюня, сохраняя полное спокойствие.

— Зачем ты пришел?

Цинь Цзюнь все еще тяжело дышал, словно бежал сюда без остановки. Он не появлялся на публике несколько дней, и теперь, когда его карьера была на взлете, он выглядел изможденным, словно разом потерял в весе. Его и без того резкие черты лица стали еще острее, подчеркивая болезненную худобу. Ему потребовалось время, чтобы отдышаться и договорить:

— Я получил сообщение и узнал, что кто-то хочет тебе навредить... Ты правда цел?

С того места, где стоял Цинь Цзюнь, он отчетливо видел, как Линь Куншань держит Шан Лое за руку. Это был жест явной защиты, и он полоснул Цинь Цзюня по и без того покрасневшим глазам сильнее, чем физическая боль. Однако, глядя на Линь Куншаня, он подавил горечь в горле и начал объяснять:

— Охрана, которую нанял Чэнь Фэн, знакома с моими телохранителями. Вечером я случайно узнал, что Чэнь Фэн заплатил им, чтобы они разобрались с тобой. Я поспешил сюда и как раз столкнулся с одной из групп, они искали тебя. Сначала они не хотели признаваться, но я увидел, что у них в руках твое пальто.

Цинь Цзюнь перевел дыхание и продолжил:

— Позже я выбил из них признание, что они все еще ищут тебя. В том переулке были и другие заведения, я услышал, как на ресепшене этого караоке-клуба обсуждали происходящее, и пришел сюда. Те, кого я встретил, уже отступили после того, как я их пристыдил, но они сказали, что есть еще одна группа, поэтому я испугался, что с тобой что-то случится.

Хотя Цинь Цзюнь говорил сбивчиво, ситуация прояснилась. Очевидно, что две группы, посланные Чэнь Фэном, разделились: одна столкнулась с телохранителями Шан Лое у главного входа и была задержана полицией, а вторую Линь Куншань сумел сбросить с хвоста, но они случайно наткнулись на Цинь Цзюня.

Как только Цинь Цзюнь закончил, Шан Лое холодно произнес:

— Оказывается, они все знакомы со вторым молодым господином Цинем и даже подчиняются твоим приказам.

Услышав этот безразличный, насмешливый тон, Цинь Цзюнь впился взглядом в Шан Лое, его глаза мгновенно налились кровью. В его взгляде больше не было той растерянности, что была при их прошлой стычке — теперь в нем клонила подавляемая, жгучая ненависть. Но он не стал выплескивать злобу прямо при Линь Куншане. Цинь Цзюнь с шумом втянул воздух и процедил сквозь зубы:

— Заткнись.

Он выговаривал каждое слово, словно пытаясь задавить внутреннюю ярость.

— Это мое дело с А-Линем, какое ты имеешь право вмешиваться?

Взгляд Шан Лое потемнел, став еще более ледяным. Атмосфера между ними накалилась до предела — казалось, достаточно одной искры, чтобы взорвать пороховую бочку. Но в этот напряженный момент раздался спокойный, уверенный голос, разорвавший противостояние.

— Цинь Цзюнь.

Линь Куншань говорил отстраненно. Он больше не называл его учителем Цинем, словно этим обращением навсегда отсекал все их общее прошлое. Теперь, когда дела семьи Цинь подходили к концу, пришло время поставить точку.

— Между нами больше не будет никакой связи.

Цинь Цзюнь почувствовал резкую боль в груди, словно от удара он согнулся пополам.

— Дело о том, что я довел тебя до обморока от переутомления... я еще не извинился перед

тобой. Прости, — прохрипел он.

Бывший высокомерный молодой господин Цинь утратил всю свою спесь. Он почти бессвязно повторял одно и то же, пытаясь выразить свое раскаяние.

— Прости, я знаю, что у меня больше нет на это права, но я все равно хочу извиниться. Я больше никогда не позволю тебе пострадать, я обязательно исправлюсь...

В его охрипшем голосе звучало такое искреннее сожаление, что он казался совсем другим человеком по сравнению с прежним самодуром. В сочетании с изможденным лицом это не могло не тронуть. В конце концов, он был артистом, который привык полагаться на свою внешность, и она все еще оставалась его козырем.

Однако тот, к кому он обращался, остался непоколебим. Выражение лица Линь Куншаня не дрогнуло. Только когда Цинь Цзюнь прохрипел слова о том, что исправится, он ответил:

— Нет.

Он помолчал.

— Ты не справишься.

Эти короткие слова легко оборвали речь Цинь Цзюня, словно перекрыв ему дыхание. В комнате воцарилась тишина, и в этой тишине Линь Куншань снова заговорил мягким, спокойным голосом:

— Некоторые вещи действительно меняются.

На глазах у двух других мужчин он посмотрел себе на грудь, а затем поднял руки и развязал галстук. Даже после всех событий этого вечера одежда Линь Куншаня выглядела безупречно. В своих очках в тонкой золотой оправе он казался воплощением благородства и утонченности. Казалось, он не в маленькой каморке караоке-клуба, а готовится к важному выступлению.

Но сейчас этот изысканный молодой человек сам расстегивал свой галстук. В этом жесте было что-то, напоминающее снятие защиты, отчего окружающие невольно затаили дыхание. Даже застывший воздух в комнате наполнился чем-то неуловимым и тонким.

Движения Линь Куншаня были четкими. Галстук небесно-голубого цвета, с холодным сероватым отливом, лег на его ладонь, подчеркивая белизну кожи.

Он сказал:

— Например, я наконец научился завязывать галстук другим.

Цинь Цзюнь, только что пришедший в себя, замер. Это была его просьба. В те дни, когда Линь Куншань был его ассистентом, Цинь Цзюнь не раз хотел, чтобы тот завязывал ему галстук. Хотя у него был стилист, а если того не было, то помогали другие сотрудники, и это было пустяковым делом, не требующим участия самого занятого Линь Куншаня, но если Цинь Цзюнь настаивал, никто не мог возразить.

Однако Линь Куншань не был всемогущим. В этом вопросе он умел завязывать галстук только на себе, но не учился делать это для других. Поэтому просьба Цинь Цзюня так и осталась невыполненной. Он предлагал Линь Куншаню посмотреть уроки, но тот был слишком занят, и дело откладывалось.

Только сейчас Цинь Цзюнь понял, насколько эгоистичным и капризным было его желание тогда.

А Линь Куншань сказал, что научился этому.

Он взял свой галстук, повернулся и, подняв руки, мягко обернул прохладную голубую ткань вокруг шеи Шан Лое. Этот жест был настолько неожиданным, что Шан Лое на мгновение замер. Спустя секунду парень с холодным лицом наклонил голову, чтобы Линь Куншаню было удобнее.

На Шан Лое был тренч поверх светлой рубашки, и без галстука воротник казался слишком свободным. Под ним виднелось пятнышко крови — он поранился, когда его ударили в висок. Линь Куншань аккуратно обернул галстук вокруг шеи, разглаживая складки. Небесно-голубой шелк идеально скрыл след крови.

Они стояли очень близко. Шан Лое, даже наклонившись, был выше. Он опустил взгляд и увидел длинные ресницы молодого человека. Шан Лое давно знал, что у Линь Куншаня очень красивые глаза — миндалевидные, с чуть приподнятыми уголками. Когда он смотрел вниз, линия век казалась изящной, как крыло, а густые ресницы придавали взгляду особую выразительность.

Ему нестерпимо хотелось прикоснуться к ним. Окрасить их в свой собственный оттенок страсти.

Но еще больше сердце замирало от того, как тонкие белые пальцы двигались у него на шее. Галстук, холодный по цвету, казался сейчас ярче любого другого оттенка. Он притягивал взгляд. Он был безупречен. Галстук — это не просто аксессуар, это подарок с особым смыслом. Не нужно было много думать, чтобы понять его значение, от которого сердце начинало биться в бешеном ритме.

Шан Лое смотрел на узел, замороженный, и лишь спустя мгновение услышал голос Линь

Куншаня:

— Прости.

Линь Куншань закончил завязывать галстук, внимательно осмотрел его и тихо добавил:

— Кажется, я не очень силен в этом.

Шан Лое сглотнул и ответил низким, глухим голосом:

— Очень красиво. Идеальный виндзорский узел.

Все это происходило на глазах у третьего человека, но никого из них это не смутило. Цинь Цзюнь был полностью погружен в оцепенение. Когда Линь Куншань закончил и убрал руки, он снова посмотрел на Цинь Цзюня:

— Цинь Цзюнь, некоторые вещи действительно меняются. Но некоторые люди никогда не меняются.

Цинь Цзюнь с трудом пришел в себя, но услышал слова, ранившие больнее, чем что-либо:

— Например, ты.

Линь Куншань отвел взгляд, в его глазах больше не было мягкости. На самом деле у него были холодные, идеальные черты лица, и стоило ему лишиться улыбки, как между ним и окружающими вырастала непреодолимая стена.

— Чэнь Фэн подчиняется тебе во всем. Он может обмануть кого угодно, но только не тебя. Как только он подсыпал наркотик, ты тут же примчался. Так что ты хотел сделать, когда пришел?

Линь Куншань сначала думал, что это просто снотворное, но после слов Шан Лое понял, что это мог быть стимулятор. Если бы это было просто снотворное, Чэнь Фэну не нужно было бы тратить столько сил, чтобы заблокировать его. А если это был стимулятор...

— Ты хотел прийти героем на помощь или урвать свой кусок?

Лицо Цинь Цзюня стало мертвенно-бледным:

— Нет, я не...

Он с ужасом осознал, что Линь Куншань больше никогда ему не поверит. Он пытался что-то сказать, но не находил слов, он почти перешел на крик:

— Как я мог сделать такое с тобой? А-Линь, мы выросли вместе, это невозможно, правда, я клянусь, клянусь именем моей матери...

Линь Куншань опустил глаза. Услышав упоминание матери, он все же смягчил взгляд и перебил его:

— Я очень благодарен госпоже Цинь.

Мать Цинь Цзюня тоже носила фамилию Цинь. В отличие от мужа, который вечно пропадал на делах, именно она заботилась о сыне, и именно она помогла Линь Куншаню.

— Без нее мою мать, возможно, даже не смогли бы похоронить.

Голос Линь Куншаня был спокойным, но эти слова поразили обоих присутствующих. Шан Лое молча нахмурился, его удивило не столько само признание, сколько выражение лица молодого человека. В нем не было ни печали, ни гнева, ни боли от старых ран. Это была предельная усталость, скрывающая полное равнодушие.

А Цинь Цзюнь выглядел еще более подавленным, думая о матери и о человеке перед ним:

— А-Линь, ты же знаешь, моя мама... она очень любила тебя...

— Перед смертью госпожа Цинь просила меня позаботиться о тебе, — сказал Линь Куншань. — Поэтому я подписал контракт и три года был твоим ассистентом. Срок истек. Дальше ты пойдешь своей дорогой.

Линь Куншань в последний раз посмотрел на Цинь Цзюня.

— Если бы госпожа Цинь знала об этом, она бы порадовалась твоей самостоятельности.

Цинь Цзюнь застыл.

— Что ты... — его голос был едва слышен, слова будто выдавливались из перехваченного горла.
— Так ты уходишь... потому что три года прошли?

Линь Куншань не колебался и не уходил от ответа. Он ответил предельно ясно:

— Да.

Цинь Цзюнь стоял на месте, словно проваливаясь сквозь землю. Он наконец понял, что у него никогда не было шанса — это не была упущенная любовь, это было бремя, от которого давно пора было избавиться. Цинь Цзюнь надеялся на прощение, полагая, что Линь Куншань когда-то был к нему привязан, что он сможет получить второй шанс. Но на самом деле этого никогда не было. В сердце Линь Куншаня он не значил ничего. В лучшем случае — бывший начальник. Причем совершенно некомпетентный.

Цинь Цзюнь внезапно вспомнил, как во время съемок повредил палец. Боль была невыносимой, ноготь почернел, и он думал, что палец никогда не заживет. Но Линь Куншань сказал, что все пройдет, ноготь отрастет, и когда его состригут, все будет как прежде. Так и случилось. Он забыл ту боль, но помнил то чувство облегчения, когда старый ноготь наконец отпал.

И теперь для Линь Куншаня он был именно таким отмершим ногтем, ненужным грузом.

Цинь Цзюнь пошатнулся. Оказывается, Линь Куншань ушел не потому, что узнал о его признании, и даже не из-за переутомления. Просто истек трехлетний срок. У Линь Куншаня никогда не было к нему никаких чувств. Он просто выполнил договор и ушел в положенный срок.

Всего несколько дней назад Цинь Цзюнь узнал, что тот самый «трехлетний срок» был установлен Цинь Чжиганом. Линь Куншань мог бы остаться дольше, с его способностями он мог бы занять любую должность в корпорации Цинь. Но Цинь Чжиган был подозрителен и, опасаясь, что Линь Куншань воспользуется дружбой с его сыном, настоял на самом жестком краткосрочном контракте.

На самом деле, неблагодарным был не Линь Куншань. Он сполна отплатил за доброту. Это семья Цинь предала его, а Цинь Цзюнь сам себя наказал.

Под гнетом этой правды Цинь Цзюнь окончательно сломался. Он больше не пытался оправдываться. Его сердце превратилось в пепел.

Другие двое больше не обращали на него внимания. Линь Куншань поправил воротник Шан Лое, убедился, что рана на лбу больше не кровоточит, и успокоился. В этот момент пришло сообщение: полиция уже у входа в бар.

Линь Куншань собирался идти туда, чтобы сообщить о наркотиках. Он попросил у Шан Лое запись разговора охранников, чтобы передать ее полиции.

— Я сам разберусь, а ты иди обработай рану, — сказал Линь Куншань.

Шан Лое кивнул, снял тренч и хотел накинуть его на плечи Линь Куншаня, но тот отказался.

— Сегодня не холодно, — нахмурился он. — А ты ранен, тебе нельзя простудиться. К тому же

полиция уже здесь, может, удастся вернуть мое пальто.

Шан Лое посмотрел на него и не стал настаивать. Однако, когда Линь Куншань собрался уходить, он его окликнул:

— Подожди.

Линь Куншань обернулся и увидел, как Шан Лое одной рукой отстегнул черный декоративный шнурок с плеча своего тренча. Он ловко сложил его, отрегулировал длину и подошел к Линь Куншаню со спины. Линь Куншань замер, почувствовав тепло у своей шеи. Шан Лое использовал черный шнурок вместо галстука.

Линь Куншань был в рубашке без верхнего слоя, и без галстука его грудь казалась открытой. Он не ожидал, что Шан Лое сделает это. Когда Линь Куншань завязывал галстук ему, он стоял перед ним, а теперь Шан Лое был сзади, и его руки, обхватившие Линь Куншаня, создавали ощущение, будто он заключил его в объятия.

— Если виндзорский узел кажется сложным, попробуй этот метод, — голос Шан Лое вернул его в реальность.

Линь Куншань опустил взгляд и увидел, как длинные пальцы мужчины медленно затягивают узел на его груди, показывая каждый шаг. Шан Лое не много говорил, но его движения были точными и понятными.

— Пратт-узел, — сказал он. — Так быстрее.

Линь Куншань знал, что его новый начальник — профессионал, но не ожидал такой заботы.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Шан Лое отстранился и посмотрел на него.

— Не за что.

Затем он отстегнул брошь со своего тренча и приколот ее к узлу на галстуке Линь Куншаня. Декоративный шнурок не был настоящим галстуком, но с брошью он выглядел изящно и необычно, напоминая стильные галстуки-боло.

Линь Куншань снова был поражен безупречным вкусом Шан Лое. Даже сам Шан Лое, глядя на свою работу, удовлетворенно прищурился.

Они обменялись галстуками.

Пока они были заняты друг другом, они совершенно забыли о третьем человеке в комнате. А Цинь Цзюнь, пребывавший в трансе, видел все от начала до конца. Он запоздало осознал: Шан Лое учил Линь Куншаня завязывать галстук. Хотя Шан Лое был начальником, он ни разу не потребовал от Линь Куншаня обслуживания. Но получил гораздо больше.

Линь Куншань всегда притягивал людей, но знавшие его близко понимали, насколько он холоден. Эта отстраненность заставляла людей отчаянно искать подтверждения его чувств. И теперь Цинь Цзюнь стал свидетелем того, как Линь Куншань нарушил свои правила. Ради человека, которого Цинь Цзюнь ненавидел больше всех.

О мыслях Цинь Цзюня уже никто не заботился. Шан Лое получил звонок от телохранителя и сказал Линь Куншаню:

— Иди в бар, я договорюсь о компенсации за караоке и поеду в больницу.

Линь Куншань кивнул, еще раз взглянул на рану парня и ушел.

Но после того как Линь Куншань ушел, Шан Лое не спешил. Он закрыл дверь в кабинку. Внутри остались двое. Воздух стал тяжелым.

Шан Лое холодно посмотрел на Цинь Цзюня. В его глазах не осталось ни тени тепла.

Телефон Цинь Цзюня снова зазвонил — это был Чэнь Фэн. Но он даже не взглянул на экран и сбросил вызов.

— Почему не я, а он? — прошептал Цинь Цзюнь.

Шан Лое даже не хотел смотреть на него, но, услышав вопрос, снизошел до ответа:

— Потому что я даю ему управленческие акции, двадцатикратную зарплату и годовые бонусы, а ты платил ему пять тысяч в месяц.

Он добавил:

— До налогов.

— ...

Раздраженный этим пренебрежением, Цинь Цзюнь вспыхнул. В его глазах снова появилась

кровь.

— Ты прекрасно знаешь, что я не об этом. Он не приемлет служебных романов, — Цинь Цзюнь почти рычал, пытаясь ранить другого. — Ты думаешь, у тебя есть шанс?

Но в этот раз Шан Лое не стал отвечать. Казалось, он не хотел тратить время на пустые споры. Он застегнул свой тренч на все пуговицы, надежно спрятав небесно-голубой галстук под слоем ткани.

Затем Шан Лое сжал пальцы в кулак, и его костяшки хрустнули.

— Хватит болтать, — холодно произнес он, кивнув Цинь Цзюню. — Иди сюда.

Будь Шан Лое на десять лет старше, он, возможно, нашел бы более зрелый способ решения этой проблемы.

Конечно, даже сейчас Шан Лое мог бы придумать множество различных способов решения проблемы.

Но двадцатилетний Шан Лое выбирал лишь один — самый прямолинейный, самый жестокий и грубый.

Бах! Грохот!

Шан Лое не сдерживал силы. Его кулак первым же ударом пришелся точно в переносицу Цинь Цзюня.

От резкого столкновения костей раздался звук, в сотни раз более неприятный и зубодробительный, чем тот, что был слышен секунду назад, когда он ломал ему пальцы.

Он принялся нещадно избивать Цинь Цзюня, вкладывая в каждый удар всю свою ярость.

<http://bllate.org/book/20054/1982708>